

МОТИВ ДЕТСКОГО СТРАДАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИКАНО-ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЭТИКИ Ч.ДИККЕНСА И ХРИСТОЛОГИИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

А.В.Бабук

THE MOTIF OF CHILDREN'S SUFFERINGS IN THE ANGLICAN-PROTESTANT CONTEXT OF CH. DICKENS AND F.DOSTOEVSKY'S CHRISTOLOGY

A.V.Babuk

Гродненский Гуманитарный колледж (Белоруссия), alexander-babuk@yandex.ru

Раскрывается сущность проблемы детского страдания и выявление ее этно-культурной и духовной специфики на материале английской (на примере произведений Ч.Диккенса) и русской литературы (на примере произведений Ф.М.Достоевского).

Ключевые слова: *Ф.М.Достоевский, Ч.Диккенс, духовная специфика литературы*

The problem of children's sufferings and its ethno-cultural and spiritual peculiarities on the basis of English (on the example of Ch.Dickens' works) and Russian (on the example of F.Dostoevsky's works) literature is considered in the article.

Keywords: *F.Dostoevsky, Ch.Dickens, spiritual peculiarities of literature*

Христианство, как известно, оказало серьезное воздействие на творчество как Ч.Диккенса, так и Ф.М.Достоевского. Оба писателя провозглашают своим идеалом Иисуса Христа, однако в силу своей принадлежности к разным культурам смотрят на этот идеал под различным углом зрения: Ч.Диккенс — с англиканско-протестантской точки зрения, Ф.М.Достоевский — с православно-антропологической и христологической. Попытаемся выявить специфику этих различий на основе анализа мотива детского страдания, представленного в творчестве обоих писателей.

Слово «страдание» в разных культурах имеет разное осмысление. Так в общеславянской этимологии слово «страдание» является производной от «страда», что означает «тяжелая, ломовая работа, нутужные труды и всякого рода лишения». Именно такое определение дает толковый словарь русского языка В.И.Даля [1]. Согласно этому определению, человек страдающий, таким образом, ведет определенную работу над чем-то или кем-либо (больше всего, как правило, над самим собой). В латинском языке это слово употреблялось в значении «повергать в уныние, губить». Соответственно для западной культуры понятие страдания имеет более inferнальный смысл, сопряженный с гротескно-мрачным восприятием реалий окружающего мира.

О том, что Чарльз Диккенс своим идеалом провозгласил Христа, известно из книги «Житие Господа нашего Иисуса Христа», опубликованной уже после смерти английского писателя. Эта книга написана доступным для детского восприятия языком и действительно проникнута большой любовью ко Иисусу Христу, о чем читателю становится ясно уже из первых строк: «Милые мои дети! Я очень хочу, чтобы вы узнали о жизни Иисуса Христа. О нем следует знать всем. Никто из тех, кто когда-либо жил, не был таким хорошим, добрым и кротким, и так жалел бы всех, кто несчастен потому лишь, что дурно поступали или потому, что болели или еще почему-то. А сей-

час Он на Небесах, куда и мы надеемся попасть после смерти и встретить там друг друга и вечно быть счастливыми все вместе...» [2].

О том, что Достоевский почитал Христа даже выше Истины, известно из следующих знаменитых строк письма писателя Н.Д.Фонвизиной: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [3]. Именно на этом христианском идеале основан так называемый «реализм в высшем смысле» Достоевского, с помощью которого писатель «изображает глубины души человеческой».

Специфика произведений Ч.Диккенса заключается в том, что его творчество не осталось без влияния англиканской церкви как центра зарождения современной английской культуры. Так, в англиканской церкви из всех церковных таинств официально, согласно «Книге общих молитв» и «39 статей», признаются только два — Евхаристия и крещение Господне. «О пяти оставшихся — конфирмации, покаянии, священстве, браке и елеосвящении — говорится, что они не имеют подтверждения или прообраза в Евангелии и “не имеют такой природы, как крещение и вечеря Господня”, а следовательно, не могут считаться Таинствами в подлинном смысле этого слова» [4]. При этом Бог воспринимается англиканами как некая карательная инстанция, способная наказать человека за его содеянные грехи. От человека требуется только поверить и согласиться с учением Христа, изложенным в тексте Священного Писания. Вера же в таком случае понимается как некий пассивный феномен. И главное: англикане, как и все протестанты, не верят во всеобщее Воскрешение мертвых после смерти, т.е. в бессмертие души. Так, англо-протестантское христианство редуцирует понятие Церковного таинства как такового, делая невозможным покаяние и преобразование личности. Понимание христианства в англиканской церкви в значительной

степени оказало концептуальное влияние на все творчество Ч.Диккенса, о чем особенно ярко свидетельствуют поздние произведения писателя.

Кроме того, на Западе среди христианских праздников популярностью пользуется Рождество Христово. Это связано с культом земного пребывания Христа среди людей.

Христос Достоевского опирается на Его православное понимание, где центром становится онтология Спасения человека, т.е. вера в бессмертие, воскрешение после смерти, о чем писал Иустин Попович [5]. В отличие от западноевропейского понимания, в восточной христианской традиции существует понятие пасхальности, т.е. вера и особое почитание Воскресения Христова и его последующее прославление. Это, как пишет И.А.Есаулов, «позволяет нам высказать гипотезу о наличии особого пасхального архетипа и его особой значимости для русской культуры» [6]. В этом смысле для русской словесности становится актуальной категория трансфигурации или преобразования, которая свидетельствует об обожении человека, т.е. его изменении под воздействием Божественной энергии. С православной точки зрения обожению и преобразению как раз и способствует страдание, в котором, как говорил Достоевский устами Алексея Карамазова, «душа совершенствуется». Страдание человека за правду, таким образом, уподобляется страданиям самого Спасителя, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» [Ин.3:16]. Именно с этими конфессиональными разночтениями в понимании христианского учения связано основное отличие понимания ценностной антропологии детства в творчестве Ч.Диккенса и Ф.М.Достоевского.

Одним из мотивов, ярко представленных в детской антропологии обоих писателей и нарратологически вписывающихся в хронотоп проблемы, является мотив детского страдания.

В творчестве Ч.Диккенса ребенок представлен либо в ипостаси сироты (Оливер Твист), либо полусироты при потере ребенком одного из родителей, который осуществляет покровительство над ним (Флоренс Домби). Несмотря на окружение взрослых ребенок в произведениях Диккенса с самого момента появления на свет обречен на страдание, поскольку никто не принимает участие в его воспитании, поэтому он вынужден использовать собственные механизмы внутреннего развития. Именно тогда появляется так называемая концепция “self-made man” — человека, который воспитал себя сам, самостоятельно. Так, в романе «Приключения Оливера Твиста» обреченность героя чувствуется уже в нарративе завязки романа: «Оливер громко кричал. Если бы мог он знать, что он сирота, оставленный на милосердное попечение церковных старост и надзирателей, быть может, он кричал бы еще громче» [7].

Центральной фигурой этого произведения является бездомный мальчик Оливер, процесс воспитания которого протекает среди воровской шайки — Фейгина, Клейпола, Сайкса. Образ их внутреннего устройства, проявляющийся в опустошении, порожден

алчной моралью индивидуализма капиталистической Англии, где нет ни дружбы, ни взаимодействия, ни взаимовыручки, ни любви. В таком обществе человек рассчитывает только на самого себя. Но даже в деструктивных онтологических условиях Оливеру удается сохранить в себе аксиологически значимый образ детскости и обрести устойчивость к разрушающему воздействию социальных факторов.

Мотив детского страдания в творчестве Ч.Диккенса тесно сопряжен с мотивом раннего взросления, которое дети переживают вследствие духовных и социально-бытовых обстоятельств жизни. Так, в романе «Лавка древностей» английский писатель не просто противопоставляет эгоистический мир и корыстолюбивый нрав себялюбца доброму миру простых отзывчивых людей, но изображает детский героизм, связывая образный мир детства Нелли с мотивом раннего взросления. Маленькая Нелл кажется физически слабой, но является сильной внутренне. Желая уберечь деда от страсти к картежным играм, воровству, а также от преследований карлика Квилпа, имеющего намерение завладеть выигрышем деда, маленькая Нелл пускается с ним в бега. Развязка романа, в которой центральное место занимает смерть Нелл, кажется, на первый взгляд, трагичной. Однако взгляд на эту развязку сквозь призму христианской антропологии позволяет оценить ее иначе. Доброта, трудолюбие и жертвенность настолько безграничны, что автор посчитал необходимым сохранить земное существование героини только ради спасения жизни деда, поэтому вскоре после выполнения своей заветной миссии Нелли умирает. Так смерть и искупительная жертва маленькой девочки становится некой морально-нравственной коннотацией развязки романа.

Жизнь ставит маленьких героев Диккенса в некоторые фреймовые ситуации, требующие от ребенка необходимости принимать серьезные решения и нести ответственность и тяжелую ношу в детском возрасте. Детство таких героев избавлено от инфантильности, а раннее взросление способствует быстрой утрате способности сопереживать тем, кто нуждается в их помощи, опеке и заботе. Об этом свидетельствует жизнь героини Крошки Доррит, сознание которой в силу раннего взросления оказалось дезориентированным и пережило фрустрацию — несовпадение реальных результатов с ожидаемыми.

Для романа «Домби и сын» также характерны мотивы раннего взросления и детского страдания, обусловленные буржуазными устремлениями семьи Домби. Мальчик Поль «знает и понимает уже достаточно много для своего возраста», поскольку его отец, мистер Домби, пытается сделать из него экономический придаток, воспитывает ребенка в духе капиталистической викторианской Англии XIX века, мечтая сделать из него богатого наследника. Страдания мальчика, обусловленные акселерацией, неизбежной в контексте жестокости буржуазно-экономических отношений, приводят к тому, что детскость Поля терпит духовно-нравственный крах, что проявляется в его ранней смерти. Так роман «Домби и сын» открывает новую страницу в осмыслении фе-

номена детства в творчестве писателя, где ребенок становится жертвой мотива денег, успеха и капитала.

Апогеем разочарования Диккенса в англиканской церкви служит произведение «Церкви лондонского сити». Прогуливаясь по Лондону и вспоминая о том, как его «таскали на религиозные собрания, на которых ни одно дитя человеческое, исполнено ли оно благодати или порока, не способно не смежить очи» [8], Диккенс замечает, что ничего не изменилось со времен его детства. «Останки мертвых сограждан», прогнившие доски, разлагающееся железо, сукно, камень образуют смрад внутри церкви, в котором прихожанам невозможно ни стоять, ни тем более осуществлять религиозный культ. При этом священник произносит нравоучения, которые сам никогда не исполняет, а прихожане искушают своих детей различными мирскими предметами — игрушками, шариками. По мысли писателя, в этом внешнем опустошении кроется опустошение внутреннее, где уже давно нет места подлинному религиозному чувству, а есть рационалистический подход к окружающему миру и людям.

Проблема детского страдания в творчестве Ф.М.Достоевского является частью контекста учения о бессмертии и эсхатологического мифа. По словам Б.Н.Тихомирова, «мучительнейшее, но спасительное перерождение человеческого общества в совершеннейшее», сам характер перехода от времени «великой скорби» к тысячелетнему царству Христа оказывается, по воззрениям писателя, обусловлен отношением к детям» [9].

Вводя в осмысление проблемы детства мотив детского страдания, писатель не прорисовывает отчетливые образы замученных детей, а делает их частью вывернутого наизнанку общества. Так, падчерица Кроненберга в «Дневнике писателя», несмотря на свое воровство и обман, не предстает в образе воровки и лгуни. В этом смысле зло функционирует у Достоевского даже в самых светлых образах и мотивах. Объясняется это тем, что именно в детстве формируются зачатки не только будущей добродетели человека, но и пороков. Страдание детей у Достоевского, как и у Диккенса, обусловлено их ранним взрослением в результате негативного воздействия семьи и социальной среды. Экзистенциальный выбор будущего взрослого человека зависит от локуса ориентации ребенка. Как пишет Э.Эрикссон, «раннее развитие всегда предполагает относительную изоляцию и беспокойную неуравновешенность» [10], которая со временем проявляется в характере человека. Так, например, в романе «Униженные и оскорбленные» Достоевский на примере сироты Нелли показывает пробуждение и созревание гордости и эгоизма в человеке, о чем сам писатель сообщает в романе: «И вчера и третьего дня, как приходила ко мне, она на иные мои вопросы не проговаривала ни слова, а только начинала вдруг смотреть мне в глаза своим длинным, упорным взглядом, в котором вместе с недоумением и диким любопытством была еще какая-то странная гордость» [11].

Иногда эта гордость проявляется в детской обиде (как у Нелли), что стало следствием эгоцентризма, который в конечном итоге трансформируется

с инфантилизмом и, при отсутствии определенных онтологических условий, превращается в уныние, способное довести человека до крайней степени отчаяния. Апогеем проявления такого отчаяния служит образ Ипполита Терентьева в романе «Идиот», который, будучи неизлечимо больным, находясь «в своей раздражительной обидчивости и получая от нее «чрезвычайное наслаждение», уже в свои восемнадцать лет совершает попытку самоубийства, чем доказывает свой постулат о том, что «люди и созданы, чтобы друг друга мучить» [12], а не любить. Так изображенный Достоевским переход обиды Ипполита в отчаяние показывает конституциональную интолерантность, вызванную детским эгоцентризмом героя.

Феномен детского страдания в романе «Братья Карамазовы» тесно связан с бунтом Ивана Карамазова, а также нравственной неопределенностью Дмитрия Карамазова. Личность Ивана Карамазова является плодом раздвоенности сознания (как и в повести «Двойник»): с одной стороны, его сердце переполняется любовью к детям, но с другой стороны — эта любовь теоретическая, испытываемая только по отношению к детям в книгах или к детям чужим, но не к своим. Главная причина этого — неверие Ивана в Бога, отрицание бессмертия человека. Достоевский пишет о том, что Иван бунтует против Божественного мироздания. Более того, своих детей у Ивана нет, поэтому он оказывается неспособным к осмыслению аксиологии страдания Христа.

Проблема детского страдания в романе «Братья Карамазовы» также связана с Алешей Карамазовым и Илюшей Снегиревым. Алеша Карамазов, проявив стойкость и мужество, ввязывается в драку и заступает за Илюшу, в которого бросают камни его одноклассники. Герой при этом, проливая кровь в буквальном смысле слова и не соблюдая никакой осторожности, рискует собственной жизнью. Отец Илюши Снегирева Николай Ильич был публично унижен Дмитрием Карамазовым, именно поэтому Илюша укусил Алешу за палец, как бы отомстив за поступок Мити. Здесь, кроме мотива безвинно страдающих и мучающихся детей, появляется мотив прощения, носителем которого является образ Алексея Карамазова, принимающего на себя ответственность за совершенное его братьями зло.

В этом смысле человеколюбивый Алексей Карамазов является также и источником покаяния и духовно-нравственного преображения людей вокруг. Его образ и личный пример служит актуализацией морально-нравственной самоотдачи Илюши Снегирева, который в конечном итоге умирает за отца, принеся себя в жертву. Мотив детской жертвенности Илюши артикулируется в речи Алексея Карамазова: «Он был славный мальчик, добрый и храбрый мальчик, чувствовал честь и горькую обиду отцовскую, за которую и восстал» [13]. Безвинное страдание Илюши Снегирева из-за конфликта с Колей Красоткиным становится своего рода искуплением, в результате к детям возвращается детскость. Источником этого всеобщего примирения становится Алексей Карамазов, который, собрав всех детей вместе и объявив Илюшу пострадавшим за отцовскую правду ребен-

ком, произносит свою знаменитую «речь у камня». В результате духовно-нравственная идея Алексея, объединяющая героев романа, становится намного продуктивнее бунтарской идеи Ивана Карамазова, поскольку она не отвергает надежду человека на жертвенность и его морально-нравственное изменение. Идея же Ивана признает отмену нравственного суда над собой и над другими [14], отвергая при этом самоотдачу и жертвенное служение человеку. Так примеры жертвенности Алексея Карамазова и Илюшечки становятся основным средством выражения отношения мотива детского страдания за правду в романе «Братья Карамазовы». В то время как эгоцентричные и себялюбивые страдания Ивана и Мити Карамазовых приводят героев к самоуничтожению. О бесплодном бунтарстве героев свидетельствуют сон Ивана, в котором он видит черта, и суицидальные стремления Мити, хотя и не реализованные. Все поступки братьев Карамазовых не только служат средством нарративного выражения их смыслового и самосознающего «я» в условиях тяжелой социальной реальности, но и подводят смысловой итог мотива детского страдания в романе.

Функционирование мотива детского страдания в творчестве Ч.Диккенса обусловлено, прежде всего, конфессиональными и культурными особенностями. Произведение Ч.Диккенса «Жизнь Господа Нашего Иисуса Христа» заканчивается следующими строками: «Быть христианином значит всегда делать добро даже тем, кто делает тебе зло. Быть христианином значит любить ближнего своего как самого себя и поступать с людьми так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой. Быть христианином значит быть кротким, прощающим и смиренным...» [15]. В этих строках выражается не только суть творчества Ч.Диккенса, но и парадигма западноевропейского общества в целом — отсутствие понимания и веры в покаяние и духовно-нравственное изменение, а также в воскресение человека после смерти.

Путь же человека Ф.М.Достоевского состоит в преодолении своей самости в покаянии и духовно-нравственном преобразении личности, что, в конечном счете, приводит к обожению. Как пишет св. Тихон Задонский, «кто хочет от солнца просветиться и согреться, тот должен из темного места выйти и перед солнцем встать. Так и тот, кто хочет от Бога, Вечного Солнца, просветиться и теплотой сладчайшей любви Его согреться, должен тьму греховную оставить, беззаконную и нечистую жизнь возненавидеть, и к Нему обратиться, приступить с покаянием и сокрушением сердца». Об этих словах Воронежского святителя свидетельствуют все романы так называемого «великого пятикнижия Достоевского» («Преступление» и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»), где главной темой становится аксиология отношений человека и Бога.

1. Даль В.И. Страдать // Толковый словарь русского языка в 4 т. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. Т. 4. С. 561.
2. Dickens Ch. The Life of Our Lord, London, 2012. P. 7.
3. Достоевский Ф.М. Письма 1832—1859 // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 176.
4. Козлов М.Е. Западное христианство: взгляд с Востока. М., 2009. С. 491-492.
5. Попович И. Философия и религия Достоевского. Мн., 2007. С. 7.
6. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004. С. 12.
7. Диккенс Ч. Приключения Оливер Твиста // Собр. соч.: В 30 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. Т. 4. С. 14.
8. Диккенс Ч. Рассказы 60-х годов // Собр. соч.: В 30 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962. Т. 26. С. 99.
9. Тихомиров Б.Н. Дети в Новом Завете глазами Достоевского // Достоевский и мировая культура. М.: Серебряный век, 2003. № 19. С. 142.
10. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, 1996. С. 60.
11. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 277.
12. Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 8. С. 328.
13. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Книга XI-XII // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 195.
14. Ветловская В.Е. Роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский дом, 2007. С. 371.
15. Dickens Ch. The Life of Our Lord. London, 2012. P. 92-93.
16. Тихон Задонский, св. Сокровище духовное, от мира собираемое // Собр. соч.: В 5 т. М., 2008. Т. 2. С. 14.

References

1. Dal' V.I. Stradat' [Suffer]. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 4 t. Moscow, 2006. Vol. 4, p. 561.
2. Dickens Ch. The Life of Our Lord, London, 2012, p. 7.
3. Dostoevskiy F.M. Pis'ma 1832—1859 [Correspondence 1832—1859]. Full coll. of works in 30 vols, vol. 28, part 1. Leningrad, 1985, p. 176.
4. Kozlov M.E. Zapadnoe khristianstvo: vzglyad s Vostoka [Western Christianity: view from the East]. Moscow, 2009, pp. 491-492.
5. Popovich I. Filosofiya i religiya Dostoevskogo [Dostoevsky's philosophy and religion]. Minsk, 2007, p. 7.
6. Esaulov I.A. Paskhal'nost' russkoy slovesnosti [Easter motives in Russian literature]. Moscow, 2004, p. 12.
7. Dikens Ch. Priklyucheniya Oliver Twista [Oliver Twist]. Coll. of works in 30 vols, vol. 4. Moscow, 1958, p. 14.
8. Dikens Ch. Rasskazy 60-kh godov [Stories of the 1860s]. Ibid., vol. 26. Moscow, 1962, p. 99.
9. Tikhomirov B.N. Deti v Novom Zavete glazami Dostoevskogo [Children in the New Testament through Dostoevsky's eyes]. Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Moscow, 2003. No. 19, p. 142.
10. Erikson E. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. Saint Petersburg, 1996, p. 60.
11. Dostoevskiy F.M. Unizhennyye i oskorblennyye [The Insulted and the injured.]. Ibid., vol. 3. Leningrad, 1972, p. 277.
12. Dostoevskiy F.M. Idiot [Idiot]. Ibid., vol. 8. Leningrad, 1972, p. 328.
13. Dostoevskiy F.M. Brat'ya Karamazovy. Kniga XI-XII [The Brothers Karamazov. Book XI-XII]. Ibid., vol. 15. Leningrad, 1976, p. 195.
14. Vetlovskaya V.E. Roman F.M.Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" [F.M.Dostoevskiy's "The Brothers Karamazov"]. Saint Petersburg, 2007, p. 371.
15. Dickens Ch. The Life of Our Lord. London, 2012, pp. 92-93.
16. Tikhon Zadonskiy, sv. Sokrovishche dukhovnoe, ot mira sobiraemoe [Spiritual Treasure]. Coll. of works in 5 vols, vol. 2. Moscow, 2008, p. 14.